

ЗАЩИТА УФИНЦЕВЫХ

А теперь – о защите Уфинцевых. Именно так: обязательно через букву «н» и во множественном числе. Андрей Николаевич стоял у истоков омских шахмат. Гаврила Андреевич был одним из организаторов шахматной жизни Омска. Анатолий Гаврилович отметился крупными турнирными успехами.

После окончания Гражданской войны жили они в двухэтажном доме Андрея Николаевича на Екатерининской. Мария Гавриловна так описывала деда: небольшого роста, лысоватый, в очках, с появившейся с некоторых пор бородкой. Внучек обожал, баловал подарками, звал к себе наверх в шахматы поиграть.

Затем дом у Андрея Николаевича конфисковали, хотя его, техника-строителя, ни с какого бока невозможно было причислить к «эксплуататорам». Только что из дворян. Взамен дали полуразвалившуюся хибарку. Туда он теперь не торопился, но шахматы не забросил. Нашел его имя среди участников полуфинала первенства города 1924 года. В свободное же от игры и повседневных забот время любил посидеть на скамейке у театра. На улице и умер.

Гаврила Уфинцев учился в кадетском корпусе. Между прочим, вместе с Валерианом Куйбышевым. Их родители дружили. Тогда же шахматами увлекся. Окончив корпус по первому разряду, а затем с отличием Павловское училище в Петербурге, получил право выбирать место службы. Выбрал Омск. Здесь подпоручик Уфинцев женился – на дочери военного топографа Марии Александровне Куртуковой. Появились дети – Вера, Мария, Анатолий. В недавние девяностые все они здравствовали: дочери – в Омске, сын – в Кустанае.

На Первой мировой капитана-артиллериста Уфинцева контузило. Стал плохо слышать, ослабло зрение, но при Колчаке вернулся в армию. Дослужился (уже на интендантской должности) до подполковника. С войсками адмирала

в конце 1919 года отступал из Омска, попал в плен и после долгой проверки, подтвердившей его непричастность к карательным или иного рода подсудным советскому трибуналу делам, был призван в Красную Армию. Инспектировал военные склады.

Демобилизовался через два года. Когда дом у отца отобрали, пришлось искать жилье. Нашли развалюху с вросшими в землю окнами на Банной. Потом переехали на Надеждинскую. Мария Александровна подрабатывала уроками музыки. Гаврила Андреевич заделался счетоводом. Как Антон Сорокин. Позднее занялся в клубе имени Халтурина фотографией и организовал там шахматный кружок.

Шахматы рядом с Уфинцевыми были всегда. Играли Гаврила Андреевич, его сын, дочери, племянник Володя. Семейный клуб, от посещения которого воздерживался почему-то Андрей Николаевич. Семнадцать лет проведенная в сталинских лагерях иркутская поэтесса и шахматистка Нина Подгоричани в стихотворении, датированном двадцать третьим годом, попыталась объяснить исход в шахматы:

И если сердце съедено тоской,

И если в нем не заживает рана, –

Склонись скорей над шахматной доской:

Здесь тот же мир, но только без обмана...

Похоже, повторение Омара Хайяма: «*Мир я сравнил бы с шахматной доской...*» Но настроение далеко не философское...

Городу тоже пришлось несладко: в двадцать пятом он лишился областного статуса. Советская власть не простила Омску, думается, колчаковского прошлого: низвела до окружного центра. Существовала такая промежуточная между губернским и уездным уровнями территориальная единица. Возможностей у шахматистов поубавилось, тем не менее... Омский краевед Юрий Иванович Реснянский отыскал в областном архиве приказ из 1925 года. Он гласил: «*Председателя секции ш/ш Уфимцева зачислить на денежное довольствие с окладом 50 рублей в месяц*». Официально его должность именовалась иначе: инструктор

культотдела ОСПС (что с языка обожаемых тогда аббревиатур переводилось как *окружной совет профессиональных союзов*). Он был единственным в Сибири штатным работником, занимавшимся исключительно шахматно-шашечными делами. Неплохо занимавшимся: в 1927 году Омск признают наиболее успешным в сибирских краях городом по организации шахматной работы.

Обратим внимание также на изменения в фамилии: уже «Уфимцев», а не «Уфинцев» или «Уфинцов», и дело не в канцелярской опiske, на чем настаивают некоторые авторы. Вначале казалось, причина та же, что у Ясенева-Круковского. Позднее обнаружил различия в дореволюционных изданиях.

Объяснить их способны, может быть, краеведы из Бийска, где Андрей Николаевич жил до переезда в Омск. Там, кстати, родился Гаврила Андреевич. Пока же предполагаю, что фамилия «Уфинцев» (со следующей после «ц» гласной «е») подверглась переделке потому, что выговаривалась с трудом и породила путаницу. Либо в первоизданном виде она все-таки писалась через «о», вытесненное по неизвестной причине буквой «е», а уже в советское время Гаврила Андреевич счел путаницу довольно подходящей, чтобы немного отдалиться от своего офицерского прошлого. В конце концов, появился «Уфимцев», но, следуя за временем, я буду использовать также другие написания фамилии. Здесь замечу: в Омске в те годы был известен *настоящий* Уфимцев – художник Виктор Уфимцев, друг Леонида Мартынова, и вообще эта фамилия в наших краях не из редких. В перечне репрессированных омичей четырнадцать(!) Уфимцевых.

Несколько слов об имени. Мария Гавриловна под-сказала: отца звали Гавриил, но у детей в отчестве удвоенная буква «и» отсутствует: «Гаврилович», «Гавриловна». Что соответствует имени «Гаврила». Сам Гаврила Андреевич понимал: шахматы упрочили его положение, однако таким вариантом *защиты Уфинцевых* пренебрегать тоже не следует.

Все складывалось неплохо, а поначалу так просто хорошо. Около кинотеатра «Художественный» открылся *шахзал*. Там в мае 1925 года *шахмастер* Алексей Селезнев дал сеанс пяти сильнейшим шахматистам Омска. Выиграли свои партии Сергей Круковский и Толя Уфинцев, свели вничью его дед и отец, один Измайлов проиграл. Это последнее сообщение об игре Андрея Николаевича Уфинцева. Через несколько месяцев его не станет. А Петр Измайлов возьмет реванш у Селезнева спустя четыре года. В первенстве страны.

Селезнев не единственный мастер, посетивший в те годы Омск. На обратном пути с чемпионата Сибири (где он, выступая вне конкурса, без помех занял первое место) заехал к нам на несколько дней победитель Капабланки, Рубинштейна, Шпильмана на Московском международном турнире Борис Верлинский. Сыграл в сеансах и *турнире-молнии*. В том же двадцать седьмом году с рассказом о матче Алехина с Капабланкой выступил в городе знаменитый составитель этюдов трехкратный чемпион Москвы Николай Григорьев. Подобно Селезневу, поместил в газете свои композиции и дал несколько сеансов. ...Где отличился, между прочим, проблемист Д. Розенберг (не бывший ли редактор «Рабочего пути»?). Он выиграл у Григорьева обе партии. Наконец, в двадцать восьмом газета оповестила омичей о приезде «известного чемпиона-шахматиста, мастера Дуз-Хотимирского». Киевлянина, так же, как Павел Венько, участвовавшего в III Всероссийском турнире. Тогда Дуз-Хотимирский проиграл будущему чемпиону Омска.

Приведенный перечень хотелось бы дополнить именем югославского гроссмейстера Боры Костица. Он, утверждает энциклопедический словарь «Шахматы», побывал в Омске во время кругосветного путешествия 1924–1926 годов – жаль, сведений об этом обнаружить не удалось. Невозможно поверить, чтобы газета, постоянно информировавшая читателей о куда менее значительных событиях шахматной жизни, промолчала даже о краткосрочном визите в город знаменитого шахматиста. Вероятно,

остановка планировалась, но по каким-то причинам не состоялась.

К сожалению, зародившаяся было в Омске традиция выступлений сильных шахматистов в дальнейшем почти полностью сошла на нет. Не снижая скорости, устремлялись они во время своих нечастых поездок в Сибирь дальше на восток, и, думаю, в том их вины немного. Омск слыл негостеприимным городом. За последующие полвека у нас побывали (если я кого-нибудь не запамятовал) два гроссмейстера – Сало Флор и Евгений Васюков.

Лед тронулся в восьмидесятые годы – когда во Дворце культуры «Юность» обосновался университет шахматной культуры. Мы страсть как любим громкие названия: так окрестили обычный лекторий. Среди его гостей были Артур Юсупов, Александр Рошаль. О них говорили и писали: не так часто случаются в провинции шахматные радости. Через несколько лет «университет» приказал долго жить. Позднее наезжали еще Ефим Геллер, Анатолий Карпов.

Только до того времени из двадцатых семь верст килеся хлебать. И нет смысла от них удаляться: интересные события после Московского международного следуют в Омске одно за другим. В двадцать шестом «Рабочий путь» возрождает шахматно-шашечный отдел. Ведущий теперь Гаврила Андреевич. Придерживается тех же направлений, что предшественник, но периодичность не идет ни в какое сравнение с прежней. За девять месяцев – больше тридцати выпусков. Партии с комментариями и без, таблицы важнейших городских соревнований, всевозможная информация, задачи, этюды – короче, всё, как у Круковского. И стихотворение зачинателя шахматной журналистики в Омске, несмотря на возникшую отчужденность, опубликовал. Гаврила Андреевич не позволял себе опускаться до низостей.

Интеллигент до кончиков ногтей. Подтянутый, всегда аккуратный, он и в штатской одежде смотрелся безукоризненно. Портрет дополняли расчесанные на прямой пробор редкие волосы и пенсне. Если можно было в чем-то упрекнуть ведущего отдела, то разве в том, что часто писал

о сыне. Сообщал о каждом успехе (включая сеансы, что Анатолий проводил), публиковал партии. Зная, к каким результатам привела его предвзятость, кто бросит в Гаврилу Андреевича камень за нее?.. Дочери же – Вера и Мария – оказались среди сильнейших в городских турнирах.

Удачно начинался и двадцать седьмой год, правда, рубрика в газете с некоторых пор выглядела однообразно: задача или этюд плюс мизерная информация. Лишь к десятилетию Октябрьской революции появилась просторная публикация. Страна громко рапортовала о достижениях, и шахматисты обязаны были присоединиться к общему хору. Приведу ее слово в слово.

«1917–1919 гг. Одиночки-шахматисты: чиновники, учителя, врачи. У себя дома, за стаканом чая, склоняясь над шахматной доской, коротают длинный зимний вечер, вспоминая последний омский турнир 1885 г. Шашисты, где они? На базаре около лавчонок, в каморке дворника, на кухне, на извозничьей бирже жарят в шашки под аккомпанемент тарелок, посуды, ругани.

1920 г. Всеобуч. Начало спорта во всех видах. Зарождение стадиона. Начало шахмат на новой основе. Первый кружок и первый турнир в Крепости, в канцелярии Всеобуча.

Керосиновая лампа. Самодельные доски и шахматы. Жажда самостоятельности. Мечты о помещении. Надежды на помощь Комклуба.

1921–1923 гг. Нет Всеобуча. Советы физкультуры. Шахматы в Комклубе. Проходной коридор около уборной. Тусклая, одинокая, но уже электрическая лампочка где-то на потолке. На стенах прорехи от обвалившейся штукатурки. Деревянные, качающиеся, изрезанные ножами, потресканные столы, два колченогих стула, длиннее столов скамьи. Масса любителей (кружок – свыше 150 человек), турниры на скорую руку. Проба теоретических занятий. Начало расцвета. Отсутствие поддержки клуба. Развал. Изгнание. Конец шахматного кружка.

1924–1925 гг. Клуб СТС. 3-й этаж. Доски из бумаги. Шахматы – “смесь карамель”. Три шахматиста и одна шахматистка. Уныние, тоска и мечты. Помощь правления клуба. Переход на голубятню – над сценой клуба. Четыре длинных новых стола. Скамьи. 12 партий шахмат. Кружок в 50 человек. Регулярные занятия. Но... Внизу на сцене артисты, над ними шахматисты. Не ужились рядом. Переехали в проходной коридор под лестницей. Идут турниры, сеансы одновременной игры. Появились шашки. Шашечный турнир. Шахлитература. Но... Тесно, холодно, нет уюта, толчея, мест не хватает, неудовольствие. Помощь совета физкультуры. Организационная горячка. Зал Дворца Молодой Гвардии. Недосмотр администрации. Растащили шахматы. Поиски помещения. Нет средств. Что делать?

1926 г. Культотдел ОСПС. Доклад в президиуме окрпрофсовета. Организация шахкомиссии КО ОСПС. Кружки на предприятиях. Инструктаж. Открытие Центрального шахматного зала КО ОСПС. Городские состязания. Борьба команд. Шахлитература. Шашечный турнир. Рабочий турнир. 1-й женский турнир.

1927 г. Шахматно-шашечный отдел в “Рабочем пути”. Центральный шахзал пропустил около 12 000 человек. Плановые турниры. Городские массовые состязания. Сеансы маэстро из Москвы. Шахматная библиотека. По линии профсоюзов 30 шахматно-шашечных кружков, объединяющих около себя 1500 чел. Шахматы в деревне. Турнир в селе Иконниковском. 2-й женский турнир. Турнир рабочих от станка. Лекции. Сеансы одновременной игры в шахматы и шашки. Шашечные турниры. Турниры и сеансы на местах.

Оборудование кружков. Твердая смета. Матч: профсоюзы – Красная армия на 70 досках. Борьба за категории. Школьные турниры. Победы на краевых состязаниях. Железнодорожный турнир. Большой осенний турнир по шахматам и шашкам.

Вперед! К новым победам! Шахматы и шашки

в деревню, на заводы, на фабрики, в депо! Шире дороги шахматно-шашечному спорту!»

Фу, надо перевести дыхание... Согласитесь, впечатляет не меньше, чем первая заметка в «*Степном крае*». И до чего вкусно все подано, гурманы пальчики оближут... Своего рода «рубленая проза». Изящная словесность в лице Гаврилы Андреевича определенно недосчиталась интересного автора.

Кое-что в его материале все-таки требуется поправить, в том числе время проведения «*последнего омского турнира*». Из-за недосмотра оно сместилось с 1895 года на десять лет назад и удивительным образом совпало с... датой рождения Гаврилы Андреевича. На год раньше у него состоялся и первый городской чемпионат, а собственный шахматный отдел в газете, наоборот, на год припоздал. В то же время повторим: «*последний омский турнир*». Выходит, активная жизнь первого кружка продолжалась меньше трех лет, и ставить под сомнение это нельзя. Вряд ли только проведенный в 1895-м турнир был *последним* и четверть века ни одного соревнования в городе не проводилось. Газета «Омский телеграф» в 1910 году сообщила,

В шахзале.
1928 г.

Фотоштрих
из газеты
«Рабочий путь»

например, что в коммерческом училище организован «*кружок любителей шахмат*». Ну, а, в общем, понятную фразу «*борьба за категории*» стоит сопроводить разве что справкой. К тому времени четверо омичей имели первую категорию: Гаврила Уфинцев, Круковский, Глушановский, Борак. Следующая ступенька – звание мастера, но подняться на нее было много сложнее, чем сегодня стать гроссмейстером. Вдобавок в тридцатые годы на шахматистов обрушилась та самая «проверка». Омичи тоже попали под каток. «*Борьба за категории*» началась по новой.

Скажу и о заголовке – «*Шахматы – трудящимся!*». Его, подозреваю, подсказали в редакции. Слишком уж разнится он по стилю с содержанием. «Рабочий путь» на глазах менялся. Шахматно-шашечный отдел теперь публиковался изредка и в урезанном объеме. Чехарда пришлось на двадцать девятый год. Вдруг фамилия *Уфинцова* исчезла из выходных данных. Вместо нее возникли попеременно то «*шахсекция ОСФК*», то оказавшийся ненадолго на первых ролях Сергей Круковский...

Спортивные результаты Уфинцевых шли тем временем по нарастающей, и прежде всего благодаря Анатолию. В 1927 году Гаврила Андреевич берет сына с собой на первенство Сибири: пусть посмотрит, как играют сильные шахматисты. Вышло иначе: тринадцатилетнего подростка включили в побочный турнир, где он выиграл все десять партий. Получил в награду часы фирмы «Павел Буре».

С первым достижением Анатолия Уфинцева связана переходящая из одного издания в другое ошибка: будто он победил тогда в главном сибирском турнире. В действительности все обстояло иначе. Первое место в основном турнире занял, как я уже писал, Борис Верлинский. За ним в итоговой таблице расположился Михаил Тронов, из Томска. Третий – Петр Измайлов, Сергей Круковский – седьмой. Гаврила Уфинцев разделил восьмое – девятое места (среди десяти участников).

Что же касается Анатолия, то он выиграл *малый чемпионат*, или как его называли организаторы, *турнир*

городов, который в тридцать девятом году директор шахматного клуба Сергей Столповский представил почему-то в качестве первенства Сибири. То есть Анатолий Уфимцев, предполагаю, все правильно ему рассказал, но либо Столповский что-то напутал, либо решил (в интересах того же Уфимцева, чье положение после тридцать седьмого года выглядело крайне шатким) преподнести его прежние успехи в более радужном свете...

А в Омске в двадцать восьмом чемпион – Александр Елеонский. Толя Уфинцев – второй. Надо сказать и о последнем месте: его с двумя очками занял... Маврос д'Эсте. Кто он и как с такой фамилией оказался в Сибири, неизвестно. Может, никакого Мавроса д'Эсте в помине не было... Просто доморощенный шутник решил повеселить шахматную публику. Не единственный «фамильный» казус в омских чемпионатах. Перед войной некто Шахматов тоже опустил в таблице городского чемпионата на неприличное для своей обязывающей фамилии, но все же заметное последнее место.

С конца двадцатых в шахматных публикациях – долгая пауза, перемежаемая разве рекламами спектакля Городского театра «Шах и мат». Вместе с ними ушли со страниц «Рабочего пути» стихи, рассказы, литературные и театральные рецензии. Неплохая компания. Почти как сейчас, разве что заменили их не реклама и рассказы о «звездах», а доклады *вождей*, отчеты об участвовавших судебных процессах, похожие на приказы статьи. Год «великого перелома» шагал по стране, сметая по пути не одни шахматные фигуры. Из опубликованной в тридцатом году реплики уже знакомого нам Розенберга «О шахматах забыли» узнаем еще, что *упадок начался со времени передачи Центрального шахматного зала в ведение клуба СТС*. В самом деле: инвентарь испарился неизвестно куда, на шахматных столах в буфете клуба распивали пиво... Розенберга поддержал Уфинцев, но ничего не изменилось.

Возвращаясь же к материалу Столповского, обратим также внимание на то, что он называет Анатолия

Уфимцева победителем сыгранных в 1929–1931 годах городских турниров. Косвенно это подтверждалось как будто его вторыми местами в двух предыдущих первенствах и сообщением о подготовке чемпионата двадцать девятого года со списком приглашенных играть в нем «старичков» и «молодых». Позднее Гаврила Уфинцев объявит в доживавшем свой век шахматном отделе «Рабочего пути» уже чемпионат 1930 года. И все сошлось бы, не появившись в тридцать четвертом заметки Елеонского, где без обиняков было прописано: «после шестилетнего перерыва» вновь проводится первенство Омска. Ошибся, правда, малость в подсчетах, ну да с кем не бывает...

Или в те исчезнувшие из омских хроник годы городские первенства все-таки проводились, но у Елеонского возникли веские основания не упоминать их? «Запамятовал» же он проигрыш матча на звание чемпиона города оказавшемуся в местах не столь отдаленных Сергею Круковскому...

Потому оставляю под вопросом победы Анатолия Уфинцева на рубеже двадцатых – тридцатых годов. И хотя в тридцать четвертом Елеонский снова первый, ни для кого не секрет: случиться такое могло лишь в отсутствие

**Участники
чемпионата Омска 1935 г.
Сидят (слева направо):
Старцев, Судаков,
Елеонский, Симятицкий,
Г. Уфинцев; стоят:
Сухарев, Лаптев,
А. Уфинцев, Г. Варман**

младшего Уфинцева. Иллюзии на этот счет бесследно испарились уже спустя год – когда Анатолий выиграл и чемпионат города, и чемпионат воссозданной Омской области. Как когда-то Борис Загорский. Притом как выиграл... В городском турнире набрал 9,5 очка из 10-ти! На два очка отстал от сына занявший третье место Гаврила Уфинцев. Елеонский – шестой.

Тридцать пятый принес Анатолию Уфинцеву успехи и вне Омска. На отборочных республиканских соревнованиях в Челябинске его опередил только игравший вне конкурса московский мастер Василий Панов (у которого омич, кстати, выиграл). И в финале на второй строчке – но в компании со свердловчанином Георгием Бастрыковым, Петровым из Мичуринска и ленинградским мастером Раузером. Чемпионскими лаврами увенчали другого ленинградца – Александра Толуша.

В том же тридцать пятом Анатолию пригласили на работу в Челябинск. Стал, как отец в двадцатые, инструктором по шахматам и тренером. В следующем году был призван в армию. Служил на Урале. Омская молодежная газета, не скрывая восхищения, писала тогда: *«...за последнее время А. Уфинцев не занимал вторых мест. Он добился <...> первого места во Всероссийском турнире сильнейших первокатегорников периферии, опередив второго призера на 2,5 очка, занял первые места в чемпионате Челябинска и чемпионатах Челябинской и Свердловской областей».*

В Омске после нескольких лет безвременья шахматная жизнь тоже входила в привычные берега. В здании, где размещался кинотеатр «Художественный», открыли клуб, а в газете «Молодой большевик» появилась шахматная рубрика. Ни по объему, ни по содержанию она не шла в сравнение с тем, что Сергей Круковский и Гаврила Уфинцев делали в «Рабочем пути». Местная информация фактически отсутствовала. Объяснялись азы игры или публиковались партии знаменитых шахматистов. Но все-таки слово о шахматах звучало со страниц газеты. Тогда же Гаврила Андреевич организовал кружок в Доме пионеров.

Константин Терентьевич Исаков так описывал первую встречу с учителем... Чтобы узнать, как кто играет, Гаврила Андреевич дал сеанс. Жертвовал налево-направо пешки, фигуры, однако все равно никто устоять не смог. Попробуй выдержать натиск нового чемпиона Омска! На этом посту старший Уфинцев в тридцать шестом году сменил сына. Сменил не один – в компании с Бораком. Не называю имени по причине того, что, как в случае с Глушановским, сам не знаю его. Может быть, кто из Риги, где обосновался Борак после войны, подскажет...

И в дальнейшем Гаврила Андреевич часто проводил сеансы. Вопреки залихватской манере игры, вел себя с шахматными мальчишками уважительно, обращался к ним всегда на «вы». Им, в свою очередь, приходилось говорить ему чуть ли не в ухо: слышал он после давней контузии неважно. В Доме пионеров сделали слуховой аппарат, но пользовался Гаврила Андреевич им редко.

Это не мешало общаться с учениками в свободное от занятий время. Ходил с ними в походы, по пути разыгрывая за доской шуточные призы. Для победителя извлекался из сумки бутерброд с колбасой, побежденный довольствовался бутербродом с маслом. Нередко в таких походах рассказывал о старом Омске. Как-то показал церковь: «Здесь мы с Марией Александровной венчались». В другой раз принес старые шахматы. «Ими играл мой отец», – сказал ребятам, и они запомнили ту встречу с прошлым, с изначальным вариантом защиты Уфинцевых. Защиты от скудости и безобразия провинциальной жизни, не поколебленных ни революциями, ни войнами, вольготно гулявшими по российским просторам в XX веке.

Между тем страна вступила в тридцать седьмой год, и к лету он добрался до Уфинцевых. Рафаил Александрович Лаптев (замечу, тоже приехавший в Омск из Бийска и не раз встречавшийся с Уфинцевыми за шахматной доской), в бытность свою студентом-заочником Московского историко-архивного института, докопался до подметного письма, предшествовавшего аресту Гаврилы Андреевича.

В нем анонимный негодяй ставил в известность «органы», что бывший офицер царской армии Уфинцев проводит занятия исключительно с детьми из интеллигентных семей. Считает, будто *«рабочим в шахматы играть незачем»*. Только не донос predetermined дальнейшие события...

В один из августовских дней в дверь постучали: *«Нам нужен Уфинцев»*. Анатолий в красноармейской форме шагнул вперед. Его отстранили: *«Нужен тот, кто постарше»*. Обыск, все окаменели от ужаса. Ничего, что могло бы заинтересовать людей с малиновыми петлицами, не нашли, и все же старший по званию, обращаясь к Гавриле Андреевичу, процедил сквозь зубы: *«Вам придется пройти с нами»*. Успел сказать, когда уводили: *«Это недоразумение. Я скоро вернусь»*.

...Не вернулся, но без пояснения здесь не обойтись. По документам, извлеченным из архивов омского УНКВД, пришли за Гаврилой Андреевичем 22 июля, однако Мария Гавриловна говорила мне, что отца арестовали в двадцатых числах августа. Юрий Иванович Реснянский назвал другую дату: 7 августа. Откуда разногласия?

Утверждать что-либо наверняка не берусь, но, как знать, не благодаря ли шахматам обрел Гаврила Андреевич еще полмесяца жизни и свободы... В последней декаде июля проходило, без преувеличения, самое значительное

Участники и судьи турнира сильнейших шахматистов Сибири и Урала.

Сидят: третий слева – Георгий Бастриков, пятый – Гаврила Уфинцев, крайний справа – Константин Сухарев; стоят: четвертый слева – Анатолий Уфинцев, третий справа – Виталий Тарасов. Омск. 1937 г.

в довоенном Омске соревнование – турнир сильнейших шахматистов Урала и Сибири. Победил, как сообщила газета, «красноармеец А. Уфимцев». Не турнир ли спутал карты «органов»?..

Понимаю, сомнительная версия, попытка хоть немного приподнять шахматы над творившимся беспределом, и в реальном измерении все обстояло, наверное, куда прозаичнее. *«Мрачная мистика видится в том, что секретный приказ о начале “операции по репрессированию антисоветских элементов” был подписан наркомом Ежовым в день окончания шахматного турнира – 30 июля»,* – читаем у Реснянского. К этому можно добавить: разделившему с пятого по седьмое места Гавриле Уфимцеву оставалось семь дней свободы. Не больше и не меньше. Тоже мистика, но откуда взялось все же обогнавшее зловещие события 22 июля?

Здесь вынужден повторно прибегнуть к гипотезам. Одна из них сводится к мысли, что в донесении о раскрытии *«контрреволюционного белогвардейского заговора»*, возглавляемого бывшим полковником А. Д. Кобецом, датой ареста его участников (в том числе Г. А. Уфинцева) действительно было названо 22 июля, но либо из-за обилия подобного рода донесений со всех концов страны, либо из-за чего другого Ежов поставил свою наркомовскую метку на нем несколько позже. Вот и вся недолга. ...Или эта путаница с числами призвана была замести следы чудовищных преступлений?..

Дальше шло без проволочек. 12 сентября «Омская правда» опубликовала реплику «Кого защищает Шахнович?». Она начиналась словами: *«За последнее время вскрыта сильная засоренность шахматных организаций враждебными и чуждыми элементами»*. Остальной текст отличал похожий уровень. Напрочь забыли о том, что за полгода до ареста Уфинцева газета поместила восторженный материал об омских шахматистах, но кого интересовали теперь такие мелочи?.. К сказанному необходимо добавить: автором реплики «Кого защищает Шахнович?» был...

Отец и сын Уфинцевы играют в турнире сильнейших шахматистов Сибири и Урала. Этот снимок был помещен в «Омской правде» 27 июля 1937 г. Через десять дней за Гаврилой Андреевичем придут...

Фото Г. Назарова

Александр Елеонский. В январе сорок второго года его, заведующего научной библиотекой СибНИИСХоза, тоже схватят и в сентябре расстреляют.

Происходившее после выступления газеты – формальности. Без промедления был создан шахматный «актив» с предсказуемой повесткой дня: «Об очистке шахматно-шашечной организации от классово-враждебных элементов...», а через неделю-другую Марии Александровне сообщили: *«десять лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки»*. Такой формулировкой, согласно приказу № 00447, маскировались расстрельные приговоры. Омская тройка установила в этом деле некий *всесоюзный рекорд*, осудив *«10 октября 1937 года <...> 1301, а 15 марта 1938 года – 1014 человек, из них соответственно 937 и 354 приговорила к расстрелу»*. В их число попали 68 бывших офицеров из *«группы полковника А. Д. Кобеца»*. Почти все арестованные, даром что самому полковнику было... 89 лет. После чего выгнали с работы Веру Гавриловну, притом она еще легко отделалась. Вспомните судьбу вдовы Измайлова...

Сохранилось стихотворное свидетельство этого кошмара. Сюжет подсказали Роберту Рождественскому события, происходившие в Омске. Время их – «Зима тридцать восьмого» – он вынес в заголовок. Отец поэта, Станислав Никодимович Петкевич, служил в НКВД. Когда начали «чистить» латышей и поляков, он с помощью друзей *«тихо*

уволился из “органов”. Погиб в сорок четвертом под Смоленском.

*Зима тридцать восьмого года.
Декабрь.
Большие холода...
Отец,
 вернувшийся с работы
домой
позднее, чем всегда.
Сейчас он на окне отыщет
большое блюдо холодца.
Сейчас он скажет:
«Вкуснотища!!.»*

*Но почему-то
 у отца
вдруг ноги подкосились ватно.
И, грузно
 рухнув
 на кровать,
он закричал:
«Не виноваты-ы!
Из них
 никто
не виноват!!.»*

*О чем он,
 мама?
Что он,
 мама?
Отец и – плачет?!
Отчего?
Он –
 сильный.
Он такой громадный.*

*Кто может быть
сильней
его?!.*

*А мама причитает:
«Тише...»
И повторяет:
«Боже мой...
Услышать могут...»
Что
услышать?!.*

*Мне в том году
пошел
седьмой.*

*Я больше
ничего не помню.
Стирается
за следом след...
Я этот крик отцовский
понял
не скоро.
Через двадцать
лет.*

Но и через двадцать лет – когда началось разоблачение так называемого «культа личности» – соучастники неслыханных репрессий продолжали врать, изворачиваться, валить все на Сталина, Ежова, Берия... Они знали, что их руки по локоть в крови, и всячески пытались замести следы. В бумаге о «полной посмертной реабилитации», полученной Марией Александровной в 1957 году, можно прочесть: «Гр. Уфинцев Гавриил Андреевич умер в 1939 году, 19 октября. Причина смерти – энфизема легких». Это была очередная ложь. Тот же приказ № 00447 содержал строжайшее предписание «обязательного полного сохранения в тайне

*времени и места приведения приговора в исполнение». Люди из «серого дома» точно исполняли его: говорили одно, писали другое, делали третье. Спустя два дня после злополучного собрания шахматистов, 17 сентября 1937 года, в секретных бумагах появилась резолюция: *расстрелять*. 19 сентября Гаврилы Андреевича Уфинцева не стало. Возможно, в те же дни на русском Севере гибли узники Соловков, и среди них – Сергей Иосифович Ясенев-Круковский. Постоянный соперник Гаврилы Андреевича по шахматным делам, столь страшным образом соединившийся с ним в последний час. Я вижу их в те мгновенья рядом.*

«Очевидно, что даже <...> эти далеко не полные сведения позволяют нам оценить масштаб охватившей шахматистов Сибири трагедии, – напишет Рамиль Мухометзянов. – Были репрессированы почти все первые чемпионы таких городов, как Томск, Омск, Новосибирск, Иркутск, Красноярск, ведущие спортсмены и организаторы этих регионов, зародившие шахматное движение в Сибири».

На абсолютно беспросветном фоне Омск опять постыдно отличился. Почти все чемпионы города двадцатых годов (кроме разве Бориса Загорского и Глушановского, о которых пока мало что известно) – Павел Павлович Бенько, Борис Петрович Мазан, Гавриил Андреевич Уфинцев, Петр Николаевич Измайлов, Сергей Иосифович

Чемпион Омска 1937 г.
Виталий Тарасов
с шахматистами
своей 64-й школы.
1938 г.

Фото А. Бутакова

Ясенев-Круковский, Александр Алексеевич Елеонский – сгинули в сталинских застенках.

Не буду тем не менее настаивать на каком-то особом месте Омска в трагедии тридцать седьмого года: досталось по полной программе всем и везде. Несколько выделялся город среди других, может быть, по той причине, что являлся после семнадцатого года средоточием сил, принадлежавших к белому лагерю. Не все сторонники Колчака затем покинули Омск. Сказалось также то обстоятельство, что некоторые из них были связаны с железной дорогой, а ей «органы» уделяли повышенное внимание. В мартирологе омских шахматистов есть, однако, и другие имена. Назову еще расстрелянного в тридцать восьмом году во Владивостоке призера первого омского чемпионата Якова Бовкевича-Рейнбота, сгинувшего в сороковые Германа Баронова, участника городского финала тридцать пятого года Александра Алёкминского... Уничтожали прежде всего тех, кто смел думать. Даже за шахматной доской...

Теперь помолчим. Да и что можно сказать, если ни один из сочинителей приговоров в Москве ли, вне Москвы ли – равно как изуверов-следователей, вертухаев-охранников, сексотов и доброхотов-стукачей – не понес наказания. Ни один, а ведь на их совести миллионы безвинных... Мой отец, схваченный в октябре тридцать седьмого (к слову сказать, он тоже работал на Омской железной дороге и чудом спасся во время предвоенной «оттепели»), иногда встречал на улице того, кто написал на него донос. Так – в одном городе, в одной стране со своими жертвами – преспокойно жили клеветники, изверги, садисты, убийцы. Без покаяния... Без возмездия... Если только сами не попадали под колесо террора. Некоторые и сегодня живут. Власти – что давние, что ближние – старательно выводили их из-под удара. Не в том ли одна из причин нескончаемых наших бед – больших и малых?..